

НИКОЛАЙ АЛЕКСѢВИЧЪ НЕКРАСОВЪ.

(ЕГО ЖИЗНЬ И ПОЭЗІЯ).

Да не подумаетъ читатель, чтобы въ статьѣ моей онъ нашелъ полную и всестороннюю характеристику Николая Алексѣевича Некрасова, и какъ поэта, и какъ журналиста, и какъ человѣка. Представить такую характеристику—иными словами значило бы произнести полный судъ надъ умершимъ литературнымъ дѣтелемъ. Но не говоря уже о томъ, что въ виду только что закрывшейся могилы, подобный судъ былъ бы слишкомъ поспѣшенъ, въ журналѣ, находившемся подъ его завѣдываніемъ, онъ и невозможенъ, по недостатку какъ исторической перспективы, такъ и историческихъ данныхъ. Для такой полной характеристики необходимо, чтобы были изданы массы писемъ, воспоминаній, записокъ и всевозможныхъ документовъ, по которымъ можно было бы судить о разнообразныхъ отношеніяхъ покойнаго къ массѣ людей всевозможныхъ слоевъ общества и лагерей въ теченіи сорока-лѣтней литературной дѣятельности его. При такихъ условіяхъ понятно, что не только полная характеристика, но и мало-мальски обстоятельная біографія Н. А. Некрасова возможна будетъ не ранѣе, какъ лѣтъ черезъ двадцать или тридцать.

Цѣль моей статьи предполагается гораздо болѣе спеціальная. Я намѣренъ представить характеристику лишь одной поэтической дѣятельности Н. А. Некрасова, значенія его стихотвореній, какъ въ настоящее время, такъ и по отношенію къ прошлому нашей литературы. Біографическія данныя, которыя у меня подъ рукою и которыя будутъ представлены ниже, какъ ни скудны они сами по себѣ для полной и всесторонней характеристики личности Н. А. Некрасова, будутъ для насъ вполне достаточны, если они познакомятъ насъ, подъ вліяніемъ какихъ обстоятельствъ жизни сложился талантъ Некрасова и въ какую сторону они направили его.

Съ перваго, поверхностнаго взгляда, поэзія Некрасова представляеть въ себѣ не мало загадочнаго, можетъ показаться даже стоящею въ вопіющемъ противорѣчій съ тѣми элементарными данными, какія выработаны относительно соотвѣтствія общихъ условій жизни поэта и характера его поэзіи. Дѣтство и юность Н. А. Некрасова мало кому извѣстны, но за то всё отлично знаютъ, что въ продолженіи послѣднихъ 30 лѣтъ Н. А. Некрасовъ пользовался полнымъ обезпеченіемъ и комфортомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ извѣстно и то, что по происхожденію принадлежалъ онъ къ дворянскому классу. Сопоставляя эти два факта, слѣдовало бы ожидать, что стихотворенія Н. А. Некрасова должны были бы принадлежать къ той художественно-созерцательной школѣ поэзіи, которая развилась именно на этой самой почвѣ дворянскаго комфорта.

Нужно ли повторять въ сотый разъ, что отсутствіе въ личной жизни всякихъ гнетущихъ насущныхъ вопросовъ и мелочныхъ дразгъ, отдаленность той скорбной среды, гдѣ эти вопросы и дразги составляютъ всю суть существованія, изысканный декорумъ, неизмѣнно окружающій человѣка съ младенчества и до могилы, легкость исполненія всякихъ желаній и прихотей— все это вмѣстѣ весьма естественно исполняетъ духъ человѣка эллинскимъ ликованіемъ и благодушіемъ, при которыхъ развивается наклонность видѣть въ поэзіи исключительно эстетическое наслажденіе созерцанія божественныхъ сферъ такъ называемаго «прекраснаго». Такова поэзія А. Толстаго, А. Майкова, Тютчева, Фета и проч. Казалось бы, что и муза Некрасова, выросшая на той же почвѣ, должна была бы принадлежать къ той же школѣ чистаго искусства. Между тѣмъ, поэзія Некрасова представляеть изъ себя нѣчто діаметрально противоположное. Если бы вы начали читать стихотворенія Некрасова, не имѣя главнѣйшихъ свѣдѣній о его жизни, вы подумали бы, что онъ вышелъ изъ народа или, по крайней мѣрѣ, очень близко стоятъ къ народной средѣ и что въ тоже время это былъ человѣкъ, котораго жизнь весьма не баловала. Въ самомъ дѣлѣ: какимъ бы образомъ человѣкъ, прожившій всю жизнь въ нѣгѣ и холѣ, могъ бы такъ чутко постигать всю суть необъятныхъ народныхъ страданій и скудныхъ народныхъ радостей, какъ постигали ихъ Некрасовъ? Какъ могъ бы человѣкъ, получившій элегантное, салонное воспитаніе, писать такимъ богатымъ, образнымъ, и въ тоже время простымъ, чисто-народнымъ языкомъ, какимъ написано большинство его произведеній. А главное дѣло — какъ бы могъ счастливый человѣкъ налить въ своихъ произведеніяхъ такую массу скорби— скорби, потрясающей васъ до глубины души

во многихъ наиболѣ лирическихъ его произведеніяхъ? Въ нашей лирикѣ вообще не мало взято всякаго рода скорби. Возьмите вы, напримѣръ, Полежаева. Всѣмъ извѣстно, что это былъ несчастнѣйшій изъ всѣхъ несчастныхъ русскихъ поэтовъ, что жизнь его въ самой цвѣтущей юности была разбита самымъ безжалостнымъ и безчеловѣчнымъ образомъ, и естественно, что всѣ стихотворенія его пронизаны мрачнымъ и безотраднымъ отчаяніемъ. Но какъ ни много скорби выражается въ стихотвореніяхъ Полежаева, ни одно не способно взволновать, потрясти вашу душу въ такой степени, какъ многія стихотворенія Некрасова. Конечно, большую роль играетъ здѣсь разница въ силѣ таланта. Но одна эта разница еще ничего не объясняетъ. Все-таки остается неразрѣшеннымъ вопросъ, почему же именно сила была употреблена такъ, а не иначе? Что заставило Некрасова свою большую силу употребить на выраженіе никакихъ иныхъ чувствъ, какъ именно на выраженіе скорби, подобно Полежаеву, поэту, о правахъ котораго на подобную же трату своего маленькаго таланта не можетъ быть никакихъ сомнѣній?

Подобныя кажущіяся противорѣчія между жизнію Н. А. Некрасова и характеромъ его стихотвореній обращали на себя вниманіе весьма многихъ, и не разъ прорывались въ литературѣ намеки и даже прямыя указанія на нихъ. Составилось даже ходячее мнѣніе, за которое особенно крѣпко держались литературные враги покойнаго поэта, что будто Н. А. Некрасовъ искусственно настраивалъ себя на гражданскую скорбь, подъ вліяніемъ разныхъ модныхъ идей, и что поэтому вся эта скорбь дѣланная, напускная. Но противъ подобнаго злостнаго предразсудка лучшимъ опроверженіемъ представляются самыя стихотворенія Н. А. Некрасова и то неотразимое дѣйствіе, которое производятъ они на cadaго читателя, мало-мальски свѣжаго и незараженнаго никакими предвзятыми предубѣжденіями. Извѣстное дѣло, что какъ бы ни былъ великъ талантъ и какимъ бы искусствомъ ни обладалъ онъ по части поддѣлыванья къ чужимъ чувствамъ, онъ никогда не будетъ способенъ всецѣло овладѣть душою читателя, если въ самомъ сердцѣ писателя не найдется никакихъ струнъ, соотвѣтствующихъ выражаемому чувству. Самое большее, что ему можетъ удалиться, это съ точною вѣрностью передать внѣшній, такъ сказать, обликъ чувства, дать вамъ объективное представленіе о способахъ и мотивахъ его выраженія; но между подобнымъ объективнымъ представленіемъ и личнымъ проникновеніемъ даннымъ чувствомъ лежитъ непроходимая пропасть.

Что бы вы ни говорили о возможности имѣть такіе вос-

примчивые нервы, которые могли бы мгновенно отзываться на какія угодно чувства, совершенно независимо от субъективной настроенности поэта, вы не убѣдите въ томъ, чтобы субъективная настроенность не играла здѣсь никакой роли, чтобы поэтъ могъ уподобиться музыкальному инструменту, способному безразлично извлекать какіе угодно звуки. Не говоря уже о томъ, что самая эта нервная восприимчивость можетъ или притупляться, или, напротивъ того, обостряться подъ вліяніемъ личныхъ условій жизни поэта, но и оставаясь тою же самою, она непремѣнно, подвергаясь вліянію этихъ условій, должна направляться въ ту или другую сторону.

Чтобы разрѣшить эти мнимыя противорѣчія, слѣдуетъ обратиться къ фактамъ жизни Н. А. Некрасова. Они тотчасъ же покажутъ намъ, откуда взялись скорбные звуки некрасовской музы. Въ томъ то и дѣло, что подъ наружнымъ видомъ счастливица, которому многіе завидовали, въ лицѣ Н. А. Некрасова таился человекъ, испытавшій много тяжелыхъ минутъ въ своей жизни. Это обстоятельство именно и дѣлало его столь чуткимъ къ народному горю, по пословицѣ, «сердце сердцу вѣсть подаетъ»; оно-то, конечно, и было причиною, что музы ласково поющей и прекрасной не помнилъ надъ собой онъ пѣсни сладкогласной, в то что напротивъ того рано надъ нимъ

. . . отяготѣли уши
Другой, неласковой и нелюбимой музы,
Печальной спутницы печальныхъ бѣдняковъ,
Рожденныхъ для труда, страдавъ и оковъ ..

Отецъ Н. А. Некрасова, Алексѣй Сергѣевичъ, былъ помѣщикъ средней руки, армейскій офицеръ, не блестящій, какъ видно, особеннымъ образованіемъ, судя по слѣдующимъ стихамъ изъ поэмы «Мать»:

Безспорно онъ приличенъ по манерамъ,
Природный умъ я замѣчала въ немъ.
Но нравъ его, привычки, воспитанье...
Умѣетъ ли онъ ими подписать?

Большую часть своей службы онъ состоялъ въ гражданскихъ должностяхъ, то при какомъ-нибудь полку, то при какомъ-нибудь генералѣ. Эти адъютантскія должности соединялись съ постоянными разъѣздами, такъ что Алексѣй Сергѣевичъ очень часто бывалъ то въ Кіевѣ, то въ Одессѣ, то въ Варшавѣ. По однимъ извѣстіямъ, въ Варшавѣ, а по другимъ—въ Херсонской Губерніи, онъ случайно познакомился съ семействомъ богатаго польскаго магната Андрея Закревскаго и влюбился въ старшую дочь его

Александрѣ Андреевнѣ, которая и съ своей стороны отвѣчала склонности молодого русскаго офицера. Но о согласіи родителей, вгравшихъ въ Варшавѣ видную роль, нечего было и думать. Что могло быть общаго между бѣднымъ, едва грамотнымъ армейскимъ офицеромъ и дочерью знатнаго польскаго богача, получившей высканное образованіе, красавицы, окруженной поклонниками, по богатству и знатности не уступавшими ея родителямъ? Тогда, не долго думая, Алексѣй Сергѣевичъ увезъ свою возлюбленную прямо съ бала и обвинчался съ нею по дорогѣ въ свой полкъ. Разгнѣванный тесть отвергъ свою дочь и не выдалъ ей капитала, назначеннаго ей въ приданое. И вотъ жизнь изнѣженной и привыкшей къ роскоши польской панни съ перваго же дня потянулась среди всякаго рода лишеній и дразгъ походной армейской жизни. Пространствовавъ еще нѣсколько лѣтъ съ полкомъ, дослужившись до чина капитана, Алексѣй Сергѣевичъ вышелъ въ отставку и поселился съ семействомъ въ родовомъ своемъ имѣніи Ярославской Губерніи и уѣзда, въ селѣ Грешневѣ, на почтовомъ трактѣ, на знаменитой владимірской дорогѣ.

Въ опроверженіе тѣхъ ложныхъ слуховъ, какіе ходятъ на Руси объ обширныхъ будто бы наслѣдственныхъ владѣніяхъ Н. А. Некрасова, считаю нелишнимъ сообщить объ этомъ предметѣ свѣдѣнія, переданныя мнѣ сестрою покойнаго поэта, Анною Алексѣевною Буткевичъ. «Сельцо Грешнево, сообщаетъ она:—начинавшееся и оканчивавшееся столбами съ надписью столько-то душъ, принадлежавшихъ гг. Некрасовымъ, составляла только небольшую часть родовыхъ нашихъ помѣстій, находившихся кромѣ Ярославской, еще въ Рязанской, Орловской и Симбирской губерніяхъ. Въ одно время, довольно отдаленное, все имѣніе представляло въ цѣломъ нѣсколько тысячъ душъ. Изъ нихъ прадѣдъ нашъ (воевода) проигралъ половину; дѣдъ нашъ, штыкъ-юнкеръ въ отставкѣ, проигралъ вторую; отцу нашему проигрывать было нечего, а въ карты играть онъ тоже любилъ. Къ выходу его въ отставку, по случаю раздѣла имѣнія съ братьями, на всѣхъ т. е. трехъ братьевъ и двухъ сестеръ оставалось 400 душъ».

Изъ этого сообщенія мы можемъ заключить, что имѣніе родителей Н. А. Некрасова едва ли превышало 100 душъ. Между тѣмъ, семейство Алексѣя Сергѣевича было весьма многочисленно: всего было 13 братьевъ и сестеръ, изъ которыхъ въ живыхъ остались въ настоящее время лишь два брата Н. А. Некрасова, Константинъ и Ѳеодоръ Алексѣевичи и одна сестра, Анна Алексѣевна. Алексѣй Сергѣевичъ, повидимому, не отличался скопидомствомъ, жизнь велъ разгульную, страстно любя охоту и карты; кромѣ того, велъ какія-то тяжбы по имѣнію, что еще болѣе

разстраивало благосостояніе семьи и послѣдняя становила съ не рѣдко въ затруднительное положеніе. Соображая все это, мы можемъ заключать, что если на долю Н. А. Некрасова и досталось кое-что родовое, то это могли быть лишь жалкія крохи.

«Сельцо Грешнево, сообщаетъ далѣе сестра покойнаго поэта:— стоитъ на низовой ярославско-костромской дорогѣ. Трактъ этотъ назывался Владимірскимъ и Симбирскимъ. Барскій домъ выходилъ на самую дорогу, и все, что по ней ѣхало и было видно, начиная съ почтовыхъ троекъ и кончая арестантами, закованными въ цѣпи въ сопровожденіи конвойныхъ, было постоянной пищей нашего дѣтскаго любопытства. Во всемъ остальномъ Грешневская усадьба ничѣмъ не отличалась отъ обыкновеннаго типа тогдашнихъ помѣщичьихъ усадебъ. Мѣстность ровная, плоская, перерѣзываемая извилистою рѣчкою Самаркою. Передъ нею пастбища, луга, нивы, а позади безконечные дремучіе лѣса, сливающіеся съ горизонтомъ. Невдалекѣ Волга.

«Въ самой усадьбѣ болѣе всего замѣчательнъ старый обширный садъ, обнесенный рѣшетчатымъ заборомъ, остатки котораго сохранились доннынѣ. Ничего остальнаго нѣтъ и слѣда. Гдѣ стоялъ обширный домъ, тамъ теперь скромное зданіе съ надписью: «Распивочно и на выносъ»—и ничего больше. Самый трактъ, по случаю сильныхъ весеннихъ разливовъ, давно упраздненъ: почтовая гоньба идетъ теперь по другому, высокому берегу Волги, гдѣ въ старое время почта ѣздила только весной, по случаю бездорожницъ. Куда какъ глухо тамъ теперь стало. Не вѣрится, что 20 верстъ до Ярославля и 40 до Костромы».

Николай Алексѣевичъ родился во время еще походной жизни отца, въ 1821 году 22 ноября, въ Подольской Губерніи въ Винницкомъ Уѣздѣ, въ какомъ-то жидовскомъ мѣстечкѣ. Онъ очень рано началъ помнить себя. По крайней мѣрѣ, въ памяти его живо сохранился со всѣми подробностями эпизодъ вступленія въ наслѣдственный пріютъ, между тѣмъ, какъ ему было тогда всего три года. «Я помню, рассказывалъ онъ впоследствии матери:—какъ мы подъѣхали къ дому, какъ меня взяли на руки; кто-то свѣтилъ, идя впереди, и внесли въ комнату, въ которой былъ на половину снятъ полъ и видѣлись земля и поперечины. Въ слѣдующей комнатѣ я увидалъ двухъ старушекъ, сидѣвшихъ передъ нагорѣвшей свѣчей, другъ противъ друга, за большимъ столомъ (это были бабушка и тетка Алексѣя Сергѣевича). Онѣ вязали чулки и обѣ были въ очкахъ». Хорошая память всю жизнь составляла одно изъ главныхъ качествъ ума Н. А. Некрасова.

Но не веселыя картины дѣтства сохранились въ этой, такъ

рано пробудившейся памяти. Помѣщичья жизнь обернулась къ мальчику (не тѣми нѣждущими и усыпляющими сторонами, какими прославилась знаменитая «Обломовка», а, напротивъ того,) мрачными куролесовскими чертами, напрягающими и раздражающими нервы, преждевременно ожесточающими или закуривающими. Въ нѣкоторыхъ своихъ стихотвореніяхъ Н. А. Некрасовъ даетъ намъ ясное представленіе о впечатлѣніяхъ, вынесенныхъ имъ изъ родительскаго дома. Я считаю не лишнимъ напомнить читателю эти стихотворенія, приведя изъ нихъ извѣщенія. Такъ, лирическое стихотвореніе «Родина» всецѣло посвящено воспоминаніямъ дѣтства:

И вотъ они опять, знакомы мѣста,
Гдѣ жизнь отцовъ моихъ, бесплодна и пуста,
Темла среди паровъ, бессмысленнаго чванства,
Разврата грязнаго и мелкаго гиранства;
Гдѣ рой подавленныхъ и трепетныхъ рабовъ
Завидовалъ житію послѣднихъ барскихъ псовъ,
Гдѣ было суждено мнѣ Божій свѣтъ увидѣть,
Гдѣ научился я терпѣть и ненавидѣть,
Но ненависть въ душѣ лютяно притая,
Гдѣ иногда бывалъ пощикою и я;
Гдѣ отъ души моей, до временно растлѣнной,
Такъ рано отлетѣлъ покой благословенный
И не ребяческихъ желаній и тревогъ
Огонь томительный до срока сердце жогъ...

Вотъ сѣрый старій домъ... Теперь онъ пустъ и глухъ:
Ни женщинъ, ни собакъ, ни гаеровъ, ни слугъ,
А встарь? Но помню я: здѣсь что-то всёхъ давило,
Здѣсь въ маломъ и большомъ тоскливо сердце нило,
Я въ нянь убѣгалъ.

Нѣтъ! въ юности моей, мятеной и суровой,
Отражаго душѣ воспоминавья нѣтъ;
Но все, что жизнь мою опутавъ съ первыхъ лѣтъ,
Проклятемъ на меня легко неотразимымъ—
Всему начало здѣсь, въ краѣ моемъ родимомъ!..
И съ отвращеніемъ кругомъ кидая взоръ,
Съ отрадой вижу я, что срубленъ синій боръ —
Въ томаящій лѣтній зной защита и прохлада —
И нива выжжена, и праздно дремлетъ стадо,
Понурия голову надъ высохшимъ ручьемъ,
И на бокъ валится пустой и мрачный домъ,
Гдѣ вторилъ звону чашъ и гласу ликовавій
Глухой и вѣчный гулъ подавленныхъ страданій.
И только тотъ одинъ, кто всёхъ собой давилъ,
Свободно и дышалъ, и дѣйствовалъ, и жилъ...

Въ поэмѣ «Несчастные» подобныя же дѣтскія воспоминанія рисуются еще въ болѣе подробныхъ и рѣзкихъ чертахъ:

Рога трубить речиво,
 Пугая ранний сонъ дѣтей,
 И воютъ псы нетерпѣливо...
 До солнца съѣли на коней —
 Ушли... Орды вооруженной
 Не видятъ глазъ, не слышатъ слухъ,
 И бѣдный домъ, какъ осажденный,
 Свободно переводитъ духъ.
 Мѣняя быстро постъ невольный
 На празднословье и вино,
 Спѣшаютъ забиться рабъ довольный.
 Что есть одна: ей все равно!
 В. ея духъ свѣтлѣй не станетъ,
 Все тотъ же мракъ, все тотъ же гнетъ:
 И сонъ перефраненный не манитъ,
 И утро къ жизни не зоветъ.
 Скорбѣй затворница нѣмалъ,
 Ряданьемъ душу освѣдалъ!
 Терпи любя, терпи торопя,
 И лучшей участи не жди!..

Осаду не надолго сняли...
 Вотъ вечеръ— снова роцъ трубить.
 Примолкнувъ, дѣти побѣжали,
 Но мать остаться имъ велитъ:
 Ихъ взоръ унылъ, не внятно лепетъ...
 Опять содомъ, тревога, трепетъ!
 А ночью свѣчи зажжены,
 Обычный ширъ кипитъ мятежно,
 И бѣдный мальчикъ у стѣны
 Прижавшись, слушаетъ прилежно
 И смотритъ жадно (узнаю
 Привычку дѣтскую мою)...
 Что слышать? пѣсни удалы
 Подъ топотъ пляски удадой;
 Гладитъ, какъ чаши круговня
 Цуствуютъ быстрой чередой;
 Какъ на лету куски хватаютъ
 И ротъ захлопываютъ псы,
 Какъ на тѣни растутъ, киваютъ
 Большіе лядны усы...
 Сибются гости надъ ребенкомъ
 И чей-то голосъ говоритъ:
 «Не правда-ль, онъ всегда гладитъ
 Какимъ-то травленнымъ волченкомъ?
 Поди сюда!» Блѣднѣетъ мать;
 Волченочъ смотреть и ни шагу.
 «Упрямство надо наказать —
 Поди сюда!» — Волченочъ тягу...
 «Ату его!» — Тяжелый сонъ!
 Нѣтъ, мой восходъ не лучезаренъ —
 Ничѣмъ я въ дѣтствѣ не плѣненъ
 И никому не благодаренъ.

Для дополненія нерадостной картины, представьте вы себѣ, что тутъ же на глазахъ мальчика плакала и увядала молодая, прекрасная женщина, угнетенная безобразіями всего этого содома, непригрѣтая и оскорбленная во всѣхъ своихъ самыхъ завышенныхъ чувствахъ—и эта женщина была мать несчастнаго ребенка. Вышедшая изъ болѣе цивилизованной среды и получившая блестящее образованіе, она, конечно, была лучомъ свѣта среди того непрогляднаго мрака, какой окружалъ дѣтство Н. А. Некрасова. Вліяніе ея на дѣтей было, конечно, громадно и нужно ли прибавлять, что въ высшей степени благотворно. Недаромъ Н. А. Некрасовъ такъ часто вспоминалъ ее въ своихъ стихотвореніяхъ и постоянно относился къ ней съ страстнымъ благоговѣніемъ, какъ къ своему ангелу хранителю, которому онъ обязанъ въ себѣ всѣмъ святымъ и хорошимъ. Такъ, въ поэмѣ «Мать», специально посвященной ея воспѣванію, вотъ что свидѣтельствуетъ онъ о ея благотворномъ вліяніи на всѣхъ окружающихъ и на него въ томъ числѣ:

Душа твоа—она горитъ алмазомъ,
Раздробленнымъ на тысячи крупицъ
Въ величьи дѣлъ, неуловимыхъ глазомъ
Я понялъ ихъ—я палъ передъ ними ницъ,
Я ихъ ною (даруй мнѣ силы небо!..)
Обречена на скромную борьбу,
Ты не могла голодному дать хлѣба,
Ты не могла свободы дать рабу.

Но лишній разъ не сжало чувство страха
Его души—ты то дала рабамъ —
Но лишній разъ изъ трепета и праха
Онъ поднималъ взоръ бодрѣ къ небесамъ...
Вать можетъ, даръ бѣднѣ капли въ морѣ,
Но двадцать лѣтъ! Но тысячи сердецъ,
Чей идеалъ—убавленное горе,
Границы зла открыты навонецъ!

Твой властелинъ—настѣдственные нравы
То покидалъ, то буйно проявлялъ,
Но если онъ въ безуміи забавилъ
Въ недобрый часъ дѣтей не посвящалъ,
Но если онъ разнузданной свободы
До роковой черты не доводилъ, —
На стражѣ ти надъ нимъ стояла годъ,
Покуда мракъ въ душѣ его царилъ...

И если я легко страхнулъ съ годами
Съ души глетворные слѣды,
Поправшей все разумное ногами,
Гордившейся невѣжествомъ среди,
И если я наполнилъ жизнь борьбою

За идеалъ добра и красоты,
И носить пѣсни, слагаемая мною,
Живой любви глубокія черты —
О, мать моя, подвигнуть я тобою!
Во мнѣ спасла живую душу ты!

Если мы возьмемъ въ расчетъ сильное, неотразимое нравственное вліяніе, какое оказывала мать на своего сына и которое, безъ сомнѣнія, еще болѣе усиливало привязанность его къ ней, то можно себѣ представить, что долженъ былъ чувствовать несчастный мальчикъ при видѣ слезъ и рыданій этого прекраснаго существа, всѣхъ тѣхъ униженій и оскорбленій, какія она безропотно переносила, наконецъ, холодности и измѣны со стороны общаго тирана. Подумайте, какое мрачное, ѣдко-непримиримое ожесточеніе на всю жизнь долженъ былъ вынести юноша изъ всего этого ада кромешнаго. А что всѣ вышеприведенныя выдержки изъ стихотвореній представляютъ не вымышленныя, а живыя черты, непосредственно относящіяся къ личной жизни поэта, въ этомъ можетъ убѣдить насъ свидѣтельство г. О. Достоевскаго, знавшаго Н. А. Некрасова въ эпоху его молодости и передающаго о немъ слѣдующее воспоминаніе (см. «Дневникъ писателя», № 12, 1877 г.):

«Лично мы сходились мало и рѣдко, говоритъ г. Достоевскій: — и лишь однажды вполне съ беззавѣтнымъ, горячимъ чувствомъ, именно въ самомъ началѣ нашего знакомства, въ сорокъ пятый годъ, въ эпоху «Бѣдныхъ людей». Тогда было между нами нѣсколько мгновеній, въ которыя, разъ навсегда, обрисовался передо мною этотъ загадочный человѣкъ самой существенной и самой затаенной стороной своего духа. Это именно, какъ мнѣ разомъ почувствовалось тогда, было раненное въ самомъ началѣ жизни сердце, и эта-то никогда не зажившая рана его и была началомъ и источникомъ всей страстной, страдальческой поэзіи его на всю потомъ жизнь. Онъ говорилъ мнѣ тогда со слезами о своемъ дѣтствѣ, о безобразной жизни, которая измучила его въ родительскомъ домѣ, о своей матери — и то, какъ говорилъ онъ о своей матери, та сила умиленія, съ которою онъ вспоминалъ о ней, рождали уже и тогда предчувствіе, что если будетъ что-нибудь святое въ его жизни, но такое, что могло бы спасти его и послужитъ ему маякомъ, путевой звездой даже въ самыя темныя и роковыя мгновенія судьбы его, то ужъ, конечно, лишь одно это первоначальное дѣтское впечатлѣніе дѣтскихъ слезъ, дѣтскихъ рыданій вмѣстѣ, обнявшись чѣтъ-нибудь украдкой, чтобъ не видали (какъ рассказывалъ онъ мнѣ) съ мученицей-матерью, съ существомъ, столь любившимъ его. Я думаю, что ни одна потомъ привязанность въ жизни его не могла бы также, какъ эта, по-

вліять и властительно подѣйствовать на волю и на инныя темныя неудержимыя влеченія его духа, преслѣдовавшія его всю жизнь...»

Въ дореформенной помѣщичьей жизни мы встрѣчаемъ многочисленные примѣры, что дѣти, воспитавшіяся при такихъ обстоятельствахъ, при какихъ воспитывался Н. А. Некрасовъ, въ первые же годы дѣтства получали стремленіе сближаться съ народомъ. Естественно, что ничто такъ не сближаетъ людей, какъ общій гнетъ или общее горе. Отъ шума и содома грязныхъ оргій и дикихъ порывовъ необузданнаго гнѣва малютки убѣгали въ дѣвичьи, въ людскіе флигеля, а не то и въ деревню, если она была по близости отъ усадьбы. Тамъ они находили свои дѣтскія привязанности среди простаго люда, страдали за нихъ и съ ними, плакали и заступались за своихъ любимцевъ. (Одинъ изъ сверстниковъ Н. А. Некрасова, еще болѣе знаменитый, чѣмъ онъ, и принесшій своему отечеству еще болѣе значительныя заслуги, провелъ свое дѣтство подъ такимъ же гнетомъ со стороны родительскаго деспотизма, и онъ самъ свидѣтельствуетъ въ своихъ воспоминаніяхъ, какъ этотъ гнетъ вліялъ на сближеніе его съ слугами. Тоже самое, безъ сомнѣнія, было и съ Н. А. Некрасовымъ, какъ мы уже отчасти видѣли въ одномъ изъ приведенныхъ нами стихотвореній:

Но помню я: здѣсь что-то всѣхъ давило,

Здѣсь въ маломъ и большомъ тоскливо сердце нило.

Я къ нянькѣ убѣгалъ.

«За нашимъ садомъ, сообщаетъ объ этомъ предметѣ сестра покойнаго поэта:— непосредственно начинались крестьянскія избы. Я помню, что это сосѣдство было постояннымъ огорченіемъ для нашей матери: толпа ребятишекъ, нарочно избравшая для своихъ игръ мѣсто возлѣ рѣшетки усадебнаго сада, какъ магнитъ притягивала туда брата, никакія преслѣдованія не помогали. Впослѣдствіи онъ продѣлалъ лазѣйку и при каждомъ удобномъ случаѣ вылѣзалъ къ нимъ въ деревню, принималъ участіе въ ихъ играхъ, которыя не рѣдко оканчивались общей дракой. Иногда, высмотрѣвъ, когда отецъ уходилъ въ мастерскую, гдѣ доморощенный столяръ Баталинъ изготовлялъ незатѣйливую мебель, братъ зазывалъ къ себѣ своихъ пріятелей. Бѣловолосыя головы одна за другою пролѣзали въ садъ, рассыпались по аллеямъ и начинали безразличное опустошеніе отъ цвѣтовъ до зеленой смородины и пр.; заслыша гамъ, старуха нянька, принаровившая выживать «пострѣловъ», трусила съ другого конца сада, крича: «баринъ, баринъ идетъ». Спугнутые ребята бросались опротивѣть къ своей лазѣйкѣ. Впослѣдствіи, когда братъ уже былъ въ гимназій и пріѣзжалъ въ деревню на каникулы, сношенія съ

пріятелями возобновлялись: онъ пропадалъ по цѣлымъ днямъ, бродилъ съ ними по лѣсамъ или отправлялся на рѣку удить рыбу. Еще позднѣе, когда пріѣзжалъ уже изъ Петербурга (съ 1844 года), тѣ же пріатели возили его въ своихъ незатѣпливыхъ экипажахъ на охоту».

Въ то же самое время, какъ было уже говорено выше, передъ окошками родительской усадьбы постоянно мелькали сцены изъ народной жизни весьма мрачнаго характера: бурлаки, окая и крехтя, тянули свои ямки, оглашая окрестность своими заунывными пѣснями; по дорогѣ проходили, звѣня цѣпами, этапы съ каторжниками. Прибавьте къ этому, что одно время отецъ его былъ исправникомъ и любилъ часто, скуки ради, брать сына въ разъѣзды по дѣламъ службы. Такимъ образомъ, мальчикъ 12—13 лѣтъ присутствовалъ при разныхъ сценахъ народной жизни, иногда очень печальныхъ и раздражающихъ душу, при уголовныхъ слѣдствіяхъ, при вскрытіи труповъ и кулачныхъ расправахъ въ духѣ прежняго времени. Все это и само по себѣ должно было тяжело дѣйствовать на воспримчивые нервы мальчика, но это дѣйствіе, конечно, было еще сильнѣе на ребенка несчастнаго и угнетеннаго, ребенка, который самъ дрожалъ, какъ осинный листъ, смотря, какъ въ ногахъ у его отца валялся, прося помилованія, какой-нибудь провинившійся мужикъ, весь въ грязи и крови... Понятно (послѣ того), что (въ то время, какъ) заунывныя пѣсни и жалобы бурлаковъ (безслѣдно пронесли мимо ушей не одного изъ нашихъ поэтовъ, подобно Н. А. Некрасову проведшихъ дѣтство на Волгѣ, на послѣднѣго они произвели такое потрясающее впечатлѣніе, о которомъ онъ свидѣтельствуетъ намъ въ своей поэмѣ «На Волгѣ»:

«Безъ шапки, блѣдный, чуть живой,
Лишь поздно вечеромъ домой
Я воротился. Кто тутъ былъ—
У всѣхъ отвѣта я просилъ
На то, что видѣлъ, и во снѣ
О томъ, что рассказали мнѣ,
Я бредилъ. Няню испугалъ:
«Сиди, родименькій, сиди!
Гулять сегодня не ходи!
Но я на Волгу убѣжалъ.
Богъ вѣсть, что сдѣлалось со мной?
Я не узналъ рѣки родной:
Съ трудомъ ступаешь на песокъ
Моя нога: онъ такъ глубокъ;
Ужъ не манитъ на острова
Ихъ ярко-свѣтлая трава,
Прибрежныхъ птицъ знакомый крикъ
Зловѣщъ, пронзителенъ и дикъ,
И говоръ тѣхъ же самихъ волгъ»

Иномъ музкою полны!
 О, горько, горько я рыдалъ,
 Когда въ то утро я стоялъ
 На берегу родной рѣки,
 И въ первый разъ ее назвалъ
 Рѣкою рабства и тоски!
 Что я въ ту пору замыслилъ,
 Созвавъ товарищей дѣтей,
 Какія клятвы я давалъ—
 Пускай умреть въ душѣ моей,
 Чтобы кто-нибудь не осмѣля!

Началомъ своего умственного развитія Н. А. Некрасовъ былъ обязанъ, въ свою очередь, конечно, матери, о чемъ онъ свидѣтельствуетъ въ своей поэмѣ «Мать».

Та блѣдная рука, ласкавшая меня,
 Когда у догорѣвшаго огня
 Въ младенчествѣ я сиживалъ съ тобою,
 Мнѣ въ сумерки мерещилось порою,
 И голосъ твой мнѣ слышался въ потьмахъ,
 Исходивный мелодіи и ласки,
 Которымъ ты мнѣ сказывала сказки
 О рыцаряхъ, монахахъ, короляхъ.
 Потомъ, когда читалъ я Данта и Шекспира,
 Казалось, я встрѣчалъ знакомыя черты:
 То образы изъ ихъ живаго міра
 Въ моемъ умѣ напечатлѣла ти.
 И сталъ я понимать, гдѣ мысль твоя блуждала,
 Гдѣ ты душой страдалица жила.
 Когда кругомъ насилье ликовало,
 И стая псовъ на псарнѣ завывала,
 И въюга въ окна била и мела!

Рано, съ семилѣтнаго возраста началъ мальчишекъ писать стихи и у матери его сохранялись первыя его безсвязныя младенческія вирши, (начинавшіяся такъ:

Любезна маменька, примите
 Сей слабый трудъ
 И рассмотрите,
 Годится ли куда нибудь.

Впослѣдствіи онъ читалъ все безъ разбора, что попадалось въ руки и, по собственнымъ словамъ его, «что прочитаетъ, тому и подражаетъ». Такимъ образомъ къ 15 годамъ составила у него уже цѣлая тетрадь, съ которой онъ и уѣхалъ въ Петербургъ.

Что же касается первоначальнаго обученія, то имъ занимались съ дѣтьми наемные учителя изъ ярославскихъ семинаристовъ, а въ 1832 году Н. А. Некрасовъ былъ опредѣленъ въ ярославскую гимназію. Изъ подъ суроваго гнета родительскаго дома одиннадцатилѣтній мальчишекъ попалъ вдругъ на безграничную свободу почти вполне самостоятельной жизни: онъ поступилъ въ гимназію приходящимъ, а для жительства ему съ бра

томъ была нанята отдѣльная квартира въ городѣ, а къ нимъ приставленъ былъ для прислуживанья и надзора крѣпостной человекъ, при чемъ, конечно, ужь праздники и каникулы братья проводили дома, въ деревнѣ.

Такой внезапный переходъ отъ строгости домашней ферулы на безграничную свободу, при отсутствіи всякаго разумнаго надзора и попеченія за дѣтьми, самъ по себѣ не представлялъ ничего утѣшительнаго. Но ало еще увеличивалось недобросовѣстностью дядьки. Ему полагалось на содержаніе, какъ себя, такъ и дѣтей по 50 копеекъ въ сутки, и деньги сдавались ему на руки, но онъ 20 копеекъ удерживалъ себѣ и тратилъ ихъ на выпивку, просиживая по цѣлымъ днямъ въ кабакѣ, а тридцать копеекъ отдавалъ дѣтямъ, предоставляя имъ кормиться на нихъ, гдѣ и какъ угодно. Они не отставали отъ своего пестуна и въ свою очередь шатались по трактирамъ.

Квартира Некрасовыхъ сдѣлалась притономъ всякаго рода гимназическихъ шалостей, сначала дѣтскихъ, а потомъ уже и не дѣтскихъ. Ученье шло при этомъ, разумѣется, не завидно. Особенно не удавались Н. А. Некрасову древніе языки. Однакожь, все-таки въ теченіе шести лѣтъ онъ дотянулъ кое какъ до 5-го класса. По всей вѣроятности, онъ прошелъ бы и весь курсъ, но, къ несчастью, примѣшались весьма натянутыя отношенія къ начальству. Продолжая неуклонно писать стихи, Н. А. Некрасовъ между прочимъ написалъ нѣсколько шуточныхъ и скабрзныхъ сатиръ на товарищей и на гимназическое начальство. Сатиры эти съ восторгомъ читались и заучивались наизусть товарищами, но когда, наконецъ, дошли они до начальства, оставаться долѣе въ гимназій было немислимо.

Въ одно время съ этимъ преждевременнымъ выходомъ изъ гимназій произошло событіе, произведшее на юношу не менѣе потрясающее впечатлѣніе: это была смерть любимаго брата Андрея, первая потеря близкаго человека. По словамъ сестры Николая Алексѣевича, эта потеря произвела сильный нравственный переворотъ въ юношѣ: онъ словно очнулся отъ той распущенности, въ какой провелъ свои гимназическіе годы, и впервые серьезно задумался о своей участи. Подобныя размышленія, безъ сомнѣнія, еще болѣе обострялись тѣмъ опальнымъ положеніемъ, какое испытываетъ въ родительскомъ домѣ юноша, исключенный изъ училища. Отецъ Некрасова, послѣ неудачи сына въ гимназій, рѣшился послать его доканчивать ученіе въ Петербургъ въ «Дворянскій полкъ» (одинъ изъ тогдашнихъ корпусовъ, бывшій на Петербургской Сторонѣ). Этимъ исполнялось всегдашнее желаніе его, чтобы сынъ шелъ по его пути въ военную службу. И вотъ

съ родительскимъ письмомъ отъ пріятеля отца, ярославскаго прокурора Полозова, къ начальнику III округа корпуса жандармовъ генералу Полозову и вмѣстѣ съ тѣмъ съ тетрадкою стиховъ, отправился 15-лѣтній мальчикъ одинъ одинёхонекъ, скудно снабженный матеріальными средствами изъ деревенской глуши въ омутъ столичной жизни. Въ которомъ это было году, объ этомъ существуютъ разнорѣчивыя извѣстія. Такъ, въ краткой біографіи, приложенной къ изданію стихотвореній Н. А. Некрасова «Русская бібліотека» вып. VII, и написанной со словъ Н. А. Некрасова, означенъ 1839 г. Между тѣмъ, по сообщенію сестры покойнаго, онъ отправился въ Петербургъ въ 1838 году. Самъ же Николай Алексѣевичъ, при мнѣ и при другихъ свидѣтеляхъ, говорилъ, что онъ прибылъ въ Петербургъ въ 1837 году, именно въ годъ смерти Пушкина, при чемъ онъ особенно подчеркивалъ это совпаденіе. Это послѣднее извѣстіе вполнѣ согласуется и съ разказами Н. А. о первыхъ своихъ мытарствахъ въ Петербургѣ, при чемъ онъ представлялъ себя во время этихъ мытарствъ 15-лѣтнимъ мальчикомъ; въ 1839 же году ему было уже 17 лѣтъ.

Во всякомъ случаѣ, годъ, въ который Н. А. Некрасовъ прибылъ въ столицу, принадлежитъ къ числу самыхъ печальныхъ, какъ въ русской жизни вообще, такъ въ литературѣ въ особенности. Жизнь, казалось, совершенно замерла и оконченѣла. Ни малѣйшаго просвѣта въ будущемъ, ни тѣни какого-либо движенія въ настоящемъ. Разъединенность, мелкость интересовъ, скука и апатія безусловно царствовали во всѣхъ слояхъ общества. Только въ Москвѣ шевелилось въ тиши кое-что похожее на нѣкоторое умственное броженіе, въ отвлеченныхъ сферахъ метафизики. Тамъ слагались новыя философско-литературныя партіи, готовыя лѣтъ черезъ пять выступить на состязаніе, воспитывались и развивались новыя, могучія силы. Петербургъ же представлялъ изъ себя полнѣйшую мерзость, заустѣнія; совершенно согласно съ слѣдующимъ началомъ одного малоизвѣстнаго стихотворенія Н. А. Некрасова:

Въ то время пусто и мертво
Въ литературѣ нашей было.
Скончался Пушкинъ—безъ него
Любовь къ ней въ публикѣ остыла.
Ничья могучая рука
Ея не направляла къ цѣли,
Лишь два задорныхъ поляка
На первомъ планѣ въ ней шумѣли.

Это была эпоха триумvirата Сенковского, Греча и Булгарина, которые безусловно царили въ петербургской прессѣ, раздавали вѣнки на славу и безсмертіе своимъ приверженцамъ и клиентамъ и глу-

шлись свысока надъ такими дорогими русскими именами, какъ Гоголь и Лермонтовъ. Полевой въ это время не тревожилъ уже молодыя сердца задоромъ романтическаго свободомыслія. «Телеграфъ» давно былъ закрытъ, и издатель его мыкался по петербургскимъ редакціямъ и книжнымъ лавкамъ, принимаясь до кумовства съ вышепоименованными тріумвирами и подлаживаясь подъ господствующій въ литературѣ ихъ камертонъ, ругалъ Гоголя, ставилъ на сцену патріотическія драмы и издавалъ спекулятивныя книжонки, помышляя лишь о прокормленіи семейства. Бѣдинскій былъ извѣстенъ въ этой литературѣ, какъ недоучившійся мальчишка, задорный московскій крикунъ, раздражающійся гегелевскими цитатами съ чужого голоса, и надъ нимъ тоже глумились свысока. Его звѣзда только что восходила. Онъ сотрудничалъ еще въ жалкихъ, едва влчившихъ свое существованіе московскихъ журнальцахъ и къ тому же былъ увлеченъ въ то время правнмъ лагеремъ гегелизма, что въ сильной степени затемнило его природное, гениальное, критическое чутье. Литературныя свѣтила первой величины, Жуковскій, Лермонтовъ—чуждались литературныхъ кружковъ и пребывали въ великосвѣтскихъ и придворныхъ сферахъ. Гоголь, только-что замышлявшій «Мертвыя Души», бѣжалъ за границу, смущенный и разочарованный тѣми враждебными толками, какіе возбудилъ въ полуобразованномъ обществѣ его «Ревизоръ»; онъ былъ уже исполненъ мистицизма и былъ уже объятъ той душевной болѣзней, которая разрушила его талантъ и свела его въ преждевременную могилу. Литературныя кружки состояли изъ посредственностей, въ родѣ Кукольника, Воейкова, Р. Зотова, Тимоеева, Бернета, Межевича и т. п., которые воображали себя гениями и, въ напыщенномъ самолюбіи, то ублажали другъ друга грубою лестью, то грызлись, осыпая другъ друга оскорбительными колкостями и бранью устно и печатно. Въ то же время, на первомъ планѣ во всѣхъ этихъ кружкахъ господствовала спекуляція. Это былъ вѣкъ необузданнаго литературнаго ажіотажа, когда впервые люди вполнѣ ясно сознали, что литература не есть одно безкорыстное служеніе музамъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и коммерческое дѣло, при удачномъ веденіи котораго можно наживаться. И вотъ различнаго рода литературныхъ дѣлъ мастера и лавочники, люди безъ всякихъ убѣжденій, безъ знанія дѣла, иногда и съ весьма покладливою совѣстью, съ алчностью ухватились за эту сторону литературной промышленности—и духъ спекуляціи всецѣло воцарился въ петербургской литературѣ, заразивъ даже и такія когда-то почтенныя личности, какъ Н. А. Полевой. Въ печати духъ этотъ выразился цѣлымъ рядомъ эфемерныхъ изда-

вій, въ родѣ «Панорамы С.-Петербурга» Вашутцаго, энциклопедическаго лексикона Плюшара, «Утренней Зари» Владиславлева, массы всякаго рода альманаховъ, сборниковъ и лубочныхъ, на скорую руку состряпанныхъ изданій для полуобразованнаго класса, исторій великихъ людей, сказокъ, иностранныхъ романовъ скабрёзнаго содержанія, и т. п. Еще болѣе усилился этотъ спекулятивный духъ, когда перестали разрѣшать основаніе новыхъ журналовъ; тогда существовавшіе журналы стали перепродаваться за значительныя суммы. Нѣкоторые изъ немногихъ, имѣвшихъ привилегіи на изданіе журналовъ и кое-какъ издававшіе ихъ—ловко воспользовались этимъ и перепродавали ихъ, дѣлая такимъ образомъ очень хорошія спекуляціи. Вотъ въ этомъ-то омутѣ пришлось провести Н. А. Некрасову первыя самыя нѣжныя и впечатлительныя года своей юности. Очень можетъ быть, что этой школою онъ былъ обязанъ и тѣмъ литературно-промышленнымъ практицизмомъ, какой развился въ немъ ко времени знакомства съ Бѣлинскимъ. Вы подумайте только, что юный, 16-ти лѣтній литературный работникъ, какъ волъ трудившійся ради скуднаго заработка, вмѣсто какого-либо правильнаго развитія въ разумномъ кружкѣ, въ духѣ тѣхъ или другихъ идей, только и слышалъ, что одни спекулятивно-копеечные расчеты; вокругъ него то и дѣло раздувались и лопались литературно-коммерческія предпріятія и долгое время, цѣлыя годы, литературное дѣло было обращено къ нему преимущественно своею матеріально-промышленною стороною.)

Въ первые дни по прибытіи въ Петербургъ, Некрасовъ не покидалъ еще намѣренія поступить въ Дворянскій полкъ, явился къ Полозову съ рекомендательнымъ письмомъ, былъ имъ представленъ Ростовцову, и дѣло было почти рѣшено. Но случайная встрѣча съ ярославскимъ товарищемъ, студентомъ Глушицкимъ, перерѣшила всю судьбу юности. Глушицкій началъ отговаривать своего товарища отъ поступленія въ корпусъ и развивать передъ нимъ всѣ преимущества университетскаго образованія, и такъ увлекъ его, что Некрасовъ рѣшился во что бы то ни стало идти въ университетъ. Остановка была за вступительными экзаменами, такъ какъ Некрасовъ былъ слабъ въ древнихъ языкахъ и въ математикѣ, но Глушицкій познакомилъ своего товарища съ профессоромъ духовной семинаріи Д. И. Успенскимъ и они вдвоемъ взялись приготовить Некрасова въ университетъ. Тогда Некрасовъ сообщилъ Полозовымъ о своемъ намѣреніи промѣнять Дворянскій полкъ на университетъ. Они одобрили это намѣреніе и вмѣстѣ съ тѣмъ сообщили о томъ въ Ярославль своему родственнику. Когда, наконецъ,

узнавъ объ этомъ отецъ Некрасова, онъ воспыалъ сильнымъ гнѣвомъ на ослушнаго сына и отписалъ ему, что если онъ не отложить своего намѣренія идти въ университетъ и не покорится родительской волѣ, такъ чтобы онъ впредь не разсчитывалъ ни на одну копейку родительской помощи, а существовалъ какъ и чѣмъ знаетъ.

Такимъ образомъ, пятнадцатилѣтній мальчикъ очутился безъ всякихъ средствъ къ жизни и безъ всякаго положенія съ 150 рублями въ карманѣ и съ паспортомъ «недоросля изъ дворянъ», по которому Н. А. Некрасовъ жилъ до конца своихъ дней. Тогда Глушицкій принялъ еще болѣе горячее участіе въ своемъ обездоленномъ товарищѣ и предложилъ ему жить вмѣстѣ съ нимъ на одной квартирѣ. На возраженіе Некрасова, что у него нѣту никакихъ средствъ, онъ отвѣчалъ: «что у него тоже очень мало, но какъ-нибудь перебьемся».

И вотъ Некрасовъ поселился къ Глушицкому на Малую Охту. Довольствоваться имъ приходилось дѣйствительно очень немногимъ: у Глушицкаго былъ еще крѣпостной мальчикъ, приставленный къ нему родителями — и они не могли тратить болѣе 15 коп. на троихъ на обѣдъ, который брали изъ какой-то ужасающей кухмистерской. Приятныя, должно быть, впечатлѣнія оставили на себѣ эти пятнадцати-копеечные обѣды на троихъ, когда Некрасовъ, будучи уже на смертномъ одрѣ, серьезно говорилъ, что именно этимъ обѣдамъ онъ былъ обязанъ зародышемъ той болѣзни, которая сводила его, 40 лѣтъ спустя, въ гробъ. Потомъ Некрасовъ перебрался къ профессору Успенскому, у котораго ему было все-таки немного посылтѣе, хотя и довольно иногда безповойно. Это былъ человекъ добрый и очень усердно занимался со своимъ ученикомъ классическими языками.

Пришелъ экзаменъ. Приготовленіе Успенскаго оказалось такъ успѣшнымъ, что извѣстный тогда профессоръ римской словесности Фрейтагъ, очень требовательный латинистъ, поставилъ ему на приемномъ экзаменѣ изъ латинскаго языка 5 «съ плюсомъ»; «но въ физическихъ наукахъ, читаемъ мы въ біографіи при «Русской Библіотекѣ» г. Стасюлевича: самъ почтенный филологъ Успенскій былъ слабъ, и это отразилось роковымъ образомъ на его ученикѣ: Некрасовъ чувствовалъ, что изъ физики онъ не можетъ получить отмітки выше единицы. Это бы еще ничего, такъ какъ одна единица въ то время не была препятствіемъ къ поступленію въ университетъ; но бѣда заключалась въ томъ, что льготная единица была уже приобритена на экзаменахъ географіи у профессора Касторскаго».

«Въ виду такого печальнаго обстоятельства, Некрасовъ рѣ-

шился явиться къ ректору П. А. Плетневу и откровенно высказать ему свое положеніе: онъ противъ воли отца поступаетъ въ университетъ—и теперь, если его не примутъ въ число студентовъ, его положеніе будетъ отчаянное. Плетневъ справился о прочихъ отбѣткахъ, отлично рекомендовавшихъ юношу, желавшаго притомъ поступить на философскій факультетъ (нынѣ— историко-филологическій), и обнадежилъ Некрасова общаніемъ ходатайствовать за него въ совѣтъ. На основаніи этого общанія, Некрасовъ совсѣмъ не явился на экзаменъ изъ физики, и вслѣдствіе того въ совѣтъ о немъ не было и рѣчи. Потому же и Плетневъ не вспомнилъ о немъ, но послѣ, при свиданіи, убѣждалъ его все-таки не оставлять университета и поступить вольнослушателемъ. Некрасовъ сначала не рѣшался. Нѣсколько дней спустя, на старомъ исаакіевскомъ мосту онъ видитъ, что кто-то догоняетъ и идетъ съ нимъ рядомъ, всматриваясь въ него. Это былъ Плетневъ. Онъ снова сталъ убѣждать его и Некрасовъ подалъ прошеніе. Такъ началась университетская жизнь Некрасова, продолжавшаяся въ теченіи 1839 — 1841 годовъ».

Матеріальное положеніе Некрасова во все это время было самое отчаянное: приходилось пробиваться кое-какъ грошовыми урочками и случайными журнальными работами, которыя не всегда были подъ рукою. «Ровно три года, говорилъ Некрасовъ:—я чувствовалъ себя постоянно, каждый день голоднымъ. Приходилось ѣсть нетолько плохо, нетолько въ проголодь, но и не каждый день. Не разъ доходило до того, что я отправился въ одинъ ресторанъ въ Морской, гдѣ дозволяли читать газеты, хотя бы ничего не спросилъ себѣ. Возьмешь, бывало, для виду газету, а самъ пододвинешь къ себѣ тарелку съ хлѣбомъ и ѣшь»... Силы Некрасова постоянно надрывались, и, наконецъ, онъ сильно заболѣлъ. Доктора объясняли причину болѣзни продолжительнымъ голодавіемъ и приговорили уже его къ смерти. Однакоже, молодой и вѣркій организмъ вынесъ болѣзнь, оставившую все-таки, по убѣжденію Некрасова, свои слѣды на всю жизнь его.

Нужно ли говорить о томъ, что матеріальное положеніе, и безъ того незавидное, было окончательно подорвано этою болѣзнію. Приходилось пользоваться милостію квартирныхъ хозяевъ, какого-то отставнаго унтеръ-офицера и его жены, у которыхъ онъ нанималъ комнату на Разъѣзжей Улицѣ. Задолжалъ имъ Некрасовъ во время болѣзни рублей сорокъ. «Хозяинъ, рассказываетъ онъ:—еще ничего, но хозяйка сильно беспокоилась, что я умру и деньги пропадутъ. За перегородкою постоянно слы-

шались разговоры по этому поводу. Наконецъ, въ одинъ прекрасный день, ко мнѣ явился хозяинъ, объяснилъ свои опасенія съ полною откровенностью и просилъ меня написать ему росписку въ томъ, что я оставляю ему за долгъ свой чемоданъ, книги и остальные вещишки. Я написалъ. Думаю: чего добраго, не стануть и хоронить, да и люди они были дѣйствительно бѣдные. Черезъ нѣсколько времени мнѣ стало, однако, лучше, и я вскорѣ настолько уже оправился, что рѣшился пойти съ Разъѣзжей на Выборгскую Сторону, къ одному знакомому студенту-медику. Добравшись кое какъ до него, я тамъ засидѣлся до поздняго вечера. Возвращаясь ночью домой, сильно прозябъ, такъ какъ на мнѣ было холодное пальтишко, а дѣло было осенью—въ октябрѣ или ноябрѣ. Прихожу къ дверямъ, звоню разъ, другой... Не пускають, говорятъ, что въ моей комнатѣ поселился уже другой жилецъ. Что же касается до моего долга, то хозяева считаютъ себя вполне удовлетворенными моимъ имуществомъ, которое я имъ отдалъ за долгъ, въ чемъ и выдалъ росписку. Скверно стало мнѣ. Я остался одинъ на улицѣ, остался безъ ничего, въ плохомъ пальтишкѣ въ осеннюю холодную ночь. Побредъ я, куда глаза глядятъ, не сознавая куда и зачѣмъ, пробрался на Невскій и сѣлъ тамъ на скамеечку, какія выставляются у ресторановъ для посѣтителей. Прозябъ. Чувствовалъ сильную усталость и упадокъ силъ. Наконецъ, уснулъ. Разбудилъ меня какой-то старикъ, оказавшійся нищимъ, который, проходя мимо, сжалился надо мною и пригласилъ меня съ собою куда-то ночевать. Я пошелъ. Пришли на Васильевскій Островъ въ 15-ю линію. Тамъ, въ самомъ концѣ улицы, стоялъ деревянный, полуразвалившійся домикъ, въ которой мы и вошли. Въ домѣ оказалось много народу. Все это были нищіе, которые собирались здѣсь ночевать. Не помню я всѣхъ разговоровъ, которые велись здѣсь, помню только, что я написалъ кому-то прошеніе и получилъ за это 15 коп.»

Замѣчательно, что тутъ же, почти рядомъ съ такою страшною нищетой, голодомъ и трупобными сценами притона нищеты, Н. А. Некрасовъ выдалъ передъ собою картины сытой и праздной роскоши и даже самъ порою участвовалъ на ея утонченныхъ пирахъ. «Въ тѣ времена, читаемъ мы въ вышеупомянутой биографіи «Русской Библиотеки»:—преимущественно въ университетѣ сосредоточивалась молодежь изъ знати, и университетскіе товарищескіе кружки смѣшивали въ себѣ всѣ состоянія и званія. Бѣдный молодой человекъ, съ бюджетомъ чуть не въ нѣсколько копеекъ въ день, легко сближался съ юношами высшихъ и богатыхъ классовъ, — и не только сближался, но, благо-

дари своимъ личнымъ талантамъ, способностямъ и веселому характеру, могъ даже первенствовать между ними; на студенческихъ собраніяхъ и пирушкахъ, устраиваемыхъ въ то время на подобіе нѣмецкихъ кнейповъ и коммершей, предводительствовалъ не тотъ, кто знатнѣе всѣхъ, но кто лучше дрался на эспадронахъ и рапирѣ, кто былъ мужественнѣе и физически ловче. Въ такихъ-то веселыхъ и разгульныхъ товарищескихъ кружкахъ внезапно очутился провинціальныи юноша, взрослій въ деревнѣ, и тутъ-то ознакомился впервые съ обыденною жизнью и нравами другихъ общественныхъ классовъ, которые безъ университетской жизни остались бы ему извѣстными только по слухамъ. Эта новая обстановка, какъ и прежняя деревенская, не осталась безъ вліанія въ будущемъ на поэзію Некрасова и на самый его характеръ, а также и на условія дальнѣйшей жизни: завязанныя имъ тогда связи сохранились и впоследствии; недостатки и слабая сторона жизни высшихъ общественныхъ слоевъ стали ему знакомы изъ первыхъ рукъ и хорошо известны.

При такой тяжелой борьбѣ за существованіе, Некрасову, конечно, нечего было и думать о правильномъ развитіи таланта путемъ свободнаго и бессрочнаго творчества. Онъ долженъ былъ приняться почти сразу по приѣздѣ въ Петербургъ, 15-ти лѣтъ, за черный литературный трудъ, въ видѣ разныхъ срочныхъ журнальныхъ работъ, навертывающихся ему случайно. Работалъ онъ такимъ образомъ и въ «Литературныхъ прибавленіяхъ» къ «Инвалиду», и въ «Литературной газетѣ» А. Краевскаго, и въ «Сынѣ Отечества» Н. А. Полеваго, съ которымъ познакомилъ его какой-то профессоръ университета, и въ «Пантеонѣ», и въ «Отечественныхъ Запискахъ», писалъ водевили для Александринскаго театра («Шидя въ мѣшкѣ не утаишь», ориг. водев. 1841 г.; «Ө. А. Бобъ», ориг. водев. 1841 г.; «Актеръ», оригин. водев. 1841 г.; «Вотъ что значитъ влюбиться въ актрису», перев. вод. 1841 г.; «Дѣдушкины попугаи» перев. вод.), былъ поставщикомъ у книгопродавца Полякова азбукъ и сказокъ по его заказу. (Такова, напримѣръ, сказка «Баба-яга», лѣтъ черезъ тридцать вновь изданная по какому-то праву г. Печаткинымъ съ громкимъ именемъ автора). Такимъ образомъ, по собственнымъ его словамъ, онъ написалъ въ своей жизни до 300 печатныхъ листовъ прозы. Отъ этой массы написаннаго особенно большая доля приходилась на рецензіи. «Разбирать приходилось, рассказывалъ Николай Алексѣевичъ:—всякія книги, какія только попадались подъ руки, не однѣ художественныя, но подъ часъ и самыя ученныя. Собственныхъ-то благопріобрѣтенныхъ знаній на это, ко-

нечно, не хватало; за то выручала публичная библиотечка. Пойдешь туда, подымаешь всю ученость по предмету книги, ну и ничего, сходило съ рудъ».

Особенно помогъ ему встать на ноги и избавиться отъ крайностей нищеты Григорій Францовичъ Венецкій, бывший тогда наставникомъ-наблюдателемъ въ пажескомъ корпусѣ и чѣмъ-то въ дворянскомъ полку. Гдѣ и какъ познакомился съ нимъ Некрасовъ—неизвѣстно. Это былъ очень хорошій человекъ, судя по словамъ Некрасова, и послѣдній всегда вспоминалъ о немъ съ любовью и уваженіемъ. Онъ содержалъ что-то въ родѣ приготовительнаго пансіона для поступающихъ въ пажескій корпусъ или дворянскій полкъ и предоставилъ Н. А. Некрасову занятіе при этомъ пансіонѣ по всѣмъ русскимъ предметамъ. Это избавило юношу, по крайней мѣрѣ, отъ прелестей нолеговъ подъ открытымъ небомъ. Венецкому же былъ обязанъ Некрасовъ и появленіемъ изданія своихъ дѣтскихъ стихотвореній, подъ заглавіемъ «Мечты и звуки». Матеріальное положеніе его въ 1840 году вообще на столько уже улучшилось, что онъ могъ даже скопить нѣсколько деньжонокъ для этого изданія. Но онъ все-таки, по всей вѣроятности, не рѣшился бы на это дѣло, еслибы его не склонилъ къ тому Венецкій, обязавшись продать по билетамъ заранѣе рублей на 500. Уже и принявшись за изданіе, Некрасовъ колебался, и на него нашло такое однажды раздумье, что онъ готовъ былъ отказаться отъ дѣла; но было уже поздно: Венецкій успѣлъ уже продать до сотни билетовъ и деньги были прожиты. Какъ тутъ быть? Въ раздумьи Н. А. Некрасовъ рѣшился пойти за совѣтомъ къ Жуковскому. «Меня принялъ, рассказывалъ Некрасовъ:—сѣденькій, согнутый старичекъ, взялъ книгу и велѣлъ придти черезъ нѣсколько дней. Когда я пришелъ, онъ похвалилъ одно изъ этихъ стихотвореній, сказалъ, что у меня есть талантъ, но къ этому прибавилъ:

— Вы потомъ пожалеете, если выпустите эту книгу.

Я сказалъ ему на это, что теперь уже поздно, и объяснилъ почему.

— Тогда снимите съ книги ваше имя, посоветовалъ Жуковский».

Некрасовъ послушался этого совѣта, и книжка вышла лишь съ заглавными буквами его фамиліи Н. Н. Это небольшая книжонка въ восьмую долю листа, напечатанная на сѣрой бумагѣ, въ 103 страницы, въ типографіи Егора Алипанова. На заглавной страницѣ выставленъ 1840 годъ, цензурная же отмѣтка съ подписью цензора А. Фрейганга помѣчена 25-го іюля 1839 года. Книга наполнена небольшими ларическими стихотвореніями

вполнѣ дѣтскаго характера. Вы не найдете въ нихъ ни малѣйшаго проблеска позднѣйшаго некрасовскаго таланта. Это рядъ несвязныхъ и безсодержательныхъ виршей, какія въ то время писались весьма многими четырнадцатилѣтними гимназистами подъ обаяніемъ блестящей плеяды предшествовавшихъ поэтовъ, виршей въ родѣ нижеслѣдующихъ:

Я не сплю, не сплю—не спится,
Сердце грустію томится,
Сердце плачетъ въ тишинѣ,
Сердце рвется къ вышинѣ,
Къ безмятежному эону,
Гдѣ одѣтая къ порфиру,
Блещеть яркая звѣзда.
Ахъ туда, туда, туда,
Къ этой звѣздочкѣ унылой,
Чародѣйственною силой
Завеси меня мечта!.. и пр.

Я считаю не лишнимъ выписать изъ этого изданія въ цѣломъ видѣ лишь одно стихотвореніе, замѣчательное тѣмъ, что это было первое, появившіяся въ печати стихотвореніе Некрасова въ «Сынѣ Отечества» 1838 г. Оно носитъ заглавіе «Мысль»:

Спитъ дряхлый міръ, спитъ старецъ обветшалый,
Подъ грустной тѣнію ночного покрывала,
Едва оргрѣтъ остатками огня,
Уже давно погаснувшего дня.
Спи, старецъ, спи!.. отраднаго покоя,
Минути усладить заботы съданы.
Воспоминаніемъ минувшей старины..
И можетъ быть, въ тебѣ зажжется ретивое,
Огнемъ страстей, погаснувшихъ давно,
И вспыхнетъ для тебя прекрасное былое!..
И можетъ быть, распустится зерно
Въ тебѣ давно угасшей жизни силы,
И новой жизнію заглохшія могилы,
Печальный міръ, повѣютъ надъ тобой!
И снова ты проснешься отъ дремоты,
И снова юноша съ пылающей душой,
Забудешь старне, утраченные годы,
И будешь жить ты живнью молодой,
Какъ въ первый день созданія природы!..

Нѣтъ! тотъ же все проснулся ты,
Такой же дряхлый, обветшалый,
Еще дряхлѣй безъ покрывала..
Скрой безобразье наготы,
Опять подъ мрачной розой ночи!
Поддѣльнымъ блескомъ красоты,
Ты не можешь обманешь очи!..

Изданіе это встрѣтило, какъ всѣмъ извѣстно, безошадный

отзывъ Бѣлинскаго въ «Отечественныхъ Запискахъ» (Это былъ одинъ изъ тѣхъ краткихъ отзывовъ, какіе можно встрѣтить въ каждой книжкѣ тогдашнихъ журналовъ по поводу безпрестанно появлявшихся въ то время изданій стихотвореній юныхъ поэтовъ, претендовавшихъ на славу Пушкина.) Бѣлинскій въ своей рецензій не входитъ вовсе и въ разборъ стиховъ Некрасова, и ограничивается нѣсколькими бѣглыми мыслями о томъ, какой промахъ дѣлать люди, не одаренные поэтическимъ талантомъ, выступая на литературное поприще со стихами. Проза для нихъ благодарнѣе стиховъ. «Если въ прозѣ имѣть даже чувства и воображенія, то могутъ быть умъ, остроуміе, наблюдательность, или хоть гладкій языкъ... Если стихи пишетъ человекъ, лишенный отъ природы всякаго чувства, чуждый всякой мысли, неумѣющій владѣть стихомъ и римою, онъ, подъ веселый чашъ, еще можетъ позабавить читателя своею бездарностью и ограниченностью: всякая крайность имѣетъ свою цѣну, а потому В. К. Третьяковскій, «профессоръ эркенціи, и паче хитростей поэтическихъ» — есть безспорный поэтъ; но прочесть цѣлую книгу стиховъ, встрѣтить все знакомыя и истертыя чувствованія, общія мѣста, гладкіе стишки, (и много-много если наткнуться иногда на стихъ, вышедшій изъ души въ кучѣ римовавшихся строчекъ,) воля ваша, это чтеніе, или, лучше сказать, работа для рецензентовъ, а не для публики, для которой довольно прочесть въ журналѣ извѣстіе въ родѣ «Выѣхалъ въ Ростовъ». Посредственность въ стихахъ нестерпима. Вотъ мысли, на которыя навели насъ «Мечты и звуки г. Н. Н.»

Вотъ и вся рецензія Бѣлинскаго, тѣмъ болѣе жестокая, чѣмъ короче и сжатѣе она. Впрочемъ, въ «Сѣверной Пчелѣ», «Библиотекѣ для чтенія» и «Современникѣ» Плетнева, Некрасовъ прочелъ болѣе лестныя для себя рецензіи, видѣвшія въ его стихахъ проблески таланта и возлагавшія на него надежды. Книга, розданная на комиссію въ разные магазины, конечно, не пошла и въ послѣдствіи Некрасовъ, какъ извѣстно, самъ ее скупалъ и истреблялъ, подобно Гоголю, истребленію такимъ образомъ своего «Ганца-Кюхельгартена».